

ИЗМЕНЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ*

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Чешский историк Ярослав Хрох в национальном движении европейских народов выделил три фазы. В фазе *А* – пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору; фаза *Б* – фаза национальной агитации, когда группа патриотов преследует цель внедрения национального самосознания в более широкие слои населения, мобилизацию этого населения в национальное сообщество. В третьей фазе *В* наблюдается массовое движение, в котором большая часть общества охвачена идеями национального самосознания и стремится к политической автономии. Среди российских народов эти процессы происходили в разное время и зависели от ряда факторов, начиная от уровня их культурного и общественного развития и завершая степенью индустриализации и урбанизации. Огромное значение имело наличие собственной элиты и традиций государственности, общая высокая, в том числе языковая, культура, что было характерно для «старых» наций (русские, поляки, грузины, крымские татары, в определенной степени мусульмане Средней Азии). У «малых» или «молодых» наций отсутствовали собственные элиты, а нередко средние городские слои, в прошлом они не имели собственных политических структур, и их традиции средневековой государственности были разрушены в начале Нового времени, они представляли собой «крестьянские народы», над которыми господствовали

иные этнические элиты. Их действия имели социальную природу и поначалу были направлены не столько против государства, сколько против «чужой» господствующей верхушки. Задачей их было устранение вышеназванного дефицита, а именно – создание полноценной социальной структуры. «Молодыми» нациями в России были украинцы, белорусы, литовцы, латыши, финны [Каппелер, 1996, с.175–176].

А.Каппелер ставит вопрос о возможных идеальных дворянских, буржуазных и крестьянских национальных движениях. В то же время он правомерно констатирует затрудненность проецирования «европейского исторического опыта» на национальные движения народов Азии [Каппелер, 1996, с.176].

В этой связи возникает вопрос: какое место занимает в этой модели мусульманское общественное движение до 1905 г. Как известно, до середины XVIII в. идеи возрождения государственности татар, которые проявлялись в ряде выступлений народных масс, были связаны с приглашением единоверца – представителя высшего феодального сословия – хана. Впервые в восстании под предводительством Батырши 1755 г. идеологом и организующей силой выступили представители мусульманского духовенства, превратив лозунг «борьба за ислам и освобождение региона от представителей элит другой этноконфессиональной группы, эксплуатирующей мусульман» в знамя антиправительственных

* Исследование поддержано грантом Российского государственного научного фонда (11-11-16010а/В).

выступлений. В условиях отсутствия национальной элиты в лице дворян доминирование религиозных деятелей в национальном движении было закономерным явлением. Однако, признав мусульманское духовенство, подчинив его своему контролю и добившись его лояльности к политическому строю, правительство Екатерины II сумело в целом изолировать его от участия в политической борьбе. В результате 1755 г. стал последней попыткой татар по восстановлению национальной государственности. В конце XVIII в. началось формирование новых татарских элит: лояльного к власти мусульманского духовенства, действующего на легальных основаниях; реабилитация потомков татарских муз и князей; включение в дворянское сословие мусульман по выслугам в гражданской и военной службе; формирование предпринимательско-купеческого сословия.

Татарско-мусульманское общественное движение четко не вписывается в классическую модель национальных движений народов Европы в плане следования одной фазы за другой. Татарское просветительство, способствовавшее культурному пробуждению татар, заявило о себе во второй половине XIX в. и продолжалось вплоть до 1917 г. Труды и просветительская деятельность Ш.Марждани, К.Насыри, Р.Фахреддина, М.Акмуллы, Г.Чокрый и др. способствовали пробуждению и усилению интереса к национальной истории и культуре. Особую роль в обновленческих процессах сыграл И.Гаспринский, успешно использовавший газету «Тарджеман» для пробуждения национального самосознания татар, их интереса к светским знаниям. В начале XX в. эстафету приняли новые представители татарской интеллигенции, знающие русскую культуру и нередко получившие заграничное образование. Введение новометодного образования привело к обновленческим процессам в конфессиональной школе и обозначило пере-

мены практически во всех областях социокультурной жизни мусульманского сообщества Поволжья и Приуралья. Как совершенно справедливо отмечает А.Каппелер, у татар фаза А носила характер религиозно-национального движения [Каппелер, 1996, с.195].

Начало фазы Б – фазы национальной агитации – было вызвано активной деятельностью правительства, направленной на слом феодальных устоев в мусульманском сообществе и вовлечение его в модернизационные процессы, которые, однако, реализовались за счет ущемления самобытной культуры и традиций без права какого-то выбора. Первые признаки новых явлений проявились еще в крестьянском движении в 1878–1879 гг. Отправной датой фазы Б в татарском национальном движении можно считать начало 1880-х гг., когда мусульманская элита в лице буржуазии, а также представителей духовенства выступила против правительственных инициатив, направленных на установление контроля над конфессиональной системой образования и ее трансформации путем принудительного внедрения институтов русского образования, что было воспринято в буквальном смысле как начало конца религиозно-культурной автономии. Действия правительства в значительной степени были вызваны идеологией модернизации России, согласно которой во внутренних губерниях не только русское крестьянское население должно было быть грамотным, но и нерусские народы обязаны знать государственный язык империи.

Татарское купечество стремилось вовлечь широкие слои населения в петиционные кампании против правительственных нововведений в сфере школьного образования, лавируя лозунгом защиты ислама и сохранения традиционных устоев. В последней четверти XIX в. общественное движение происходило под «религиозной оболочкой», что было обусловлено, прежде всего, религиозным менталитетом, особенностями культурного

развития купечества, отсутствием чиновников, малочисленностью и экономической слабостью дворянского сословия. В целом национальное движение носило охранительную «направленность», защищало традиционные устои, его идеологом были представители буржуазии, движущей силой – религиозные общины. Главным лейтмотивом мусульманского общественного движения и антиправительственных выступлений народных масс в пореформенный период стали: «защита ислама» и религиозных прав мусульман, борьба за сохранение профессиональной идентичности, против вмешательства правительства в систему национального образования и жизнь махалли.

На рубеже веков в мусульманском сообществе усилилось влияние джадидистов, многие представители консервативной части буржуазии пересмотрели свое отношение к русскому образованию и стали содействовать развитию новометодных школ и активно включились в обновленческие процессы. Тон общественному движению задавало не только противостояние мусульман и правительства по вопросам школьного образования, оно стало многообразным, многовекторным. Новометодные школы разрушали монополию мулл в сфере религиозного образования, так как заведующие этими школами становились их конкурентами, и самое главное – менялись финансовые потоки, за счет которых существовала система образования (средства родителей и обеспеченных татар).

Новой формой противостояния между кадимистами и джадидистами стала интеллектуальная полемика. В условиях отсутствия национальной периодики она выразилась в публикации муллами-кадимистами нескольких брошюр. Новый метод обучения и вызванные им изменения оценивались его противниками «как нововереие, угрожающее татарам отпадением от ислама и обращением в кяфиров». В частности, в 1899 г. в Казани была

издана книжка муллы Гиллязетдина Мухиддинова «Стальные пики против нового метода», направленная против обновления и европеизации татарского общества.

В этот период джадидисты действовали осторожно и напрямую не дискутировали с кадимистами. До читательской аудитории новые идеи и воззрения они доводили посредством художественных произведений, через размышления, полемику литературных героев о будущем татарского общества, через их поступки. Литература периода возрождения превратилась в важнейший инструмент воздействия и воспитания людей новой формации. Важно отметить, что появление таких изданий уже свидетельствовало о кардинальных изменениях, происходящих в городских общинах: известно, что не все литературные произведения, прошедшие русскую цензуру в 1890-е гг., публиковались, т.к. издатели-продавцы, боясь конфликтов с муллами, не брались за их реализацию. Образцы литературы возрождения и публицистические произведения издавались на средства национальной буржуазии. На рубеже веков, благодаря тандему «меценат – интеллектуал» в плане идеологического воздействия на читательскую аудиторию посредством печатного слова, джадидисты захватили инициативу и действовали более активно. Например, рассказ Ф.Карими «Шакирд и студент» (1899), в котором путем сравнения русской и татарской молодежи доказывались преимущества европейского образования перед схоластическим религиозным, произвел настоящую сенсацию среди татар и нанес серьезный удар по позициям кадимистов.

Большое влияние на читателей оказала и повесть Р.Фахреддинова «Салима, или Целомудрие» («Сәлимә, яки Гыйффәт», 1898), изданная им под псевдонимом. Главный герой повести – шакирд, – обращаясь к своим товарищам по старометодному медресе, заявляет: «Нашими руководителями

должны быть лица, обладающие познаниями в науках мусульманских и вместе с тем философски осведомленных о современном положении вещей. ...Прогресс нации заключается в распространении образованности, развитии ремесел и промышленности».

В этой связи заслуживает внимания развернутая характеристика литературных произведений и публицистических трудов джадидистов, которую дал в начале 1901 г. Департамент полиции: «Сторонники же новых веяний в своих сочинениях призывают татарское население к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато. При этом новаторы приглашают своих единоверцев не в единую общеобразовательную школу, т.е. русские гимназии и высшие учебные заведения, а в особые татарские рассадники высшей мудрости, где европейская наука должна сочетаться с Кораном и преподаваться на татарском языке. Они указывают на необходимость осмыслить свою веру, очистить ее от суеверия и невежественных толкований мулл и укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сфере и вообще хлопотать о прогрессе на почве ислама и тюркской народности» [НА РТ, ф.1, оп.6, д.99, л.1–2 об.].

В своей фантастической повести «200 елдан сон инкыйраз» (Вырожденные двести лет спустя) (Казань, 1904) молодой талантливый прозаик Гаяз Исхаки изложил ключевые идеи философско-публицистической брошюры «Человеческий род» (Казань, 1899). Ее автор Сурудеддин Мифтахудинов писал о том, что в современном мире обречены на исчезновение народы с древними образовательными традициями, которые остановились в своем развитии, не желая разорвать с устаревшими воззрениями. Будущее должно принадлежать народам, владеющим современными знаниями. Таковыми в

настоящее время являются европейцы, которые благодаря своей высокой культуре господствуют почти на всем земном шаре и непрерывно продолжают делать все новые и новые завоевания [Мифтахетдин, 1899, б.5–26].

В этот период на роль лидеров общественного движения татар выдвинулись две группы деятелей нового поколения. Представители первой получили образование за границей: в светских и религиозных учебных заведениях Османской империи и Египта, во время учебы, поездок и общения с местным населением они осознали большое влияние Европы на жизнь мусульманских стран (которые до этого времени в значительной степени являлись идеалом для татар) и незавидное место мусульман в мировом сообществе. Вторая группа была представлена амбициозными молодыми людьми, главным образом учащимися или выпускниками КТУШ, воспитанными на национальных традициях и русской культуре, которые также активно публиковались. Некоторые из них увлекались модными среди русской молодежи социально-демократическими воззрениями [Хабутдинов, 2005, с.15–17], которые мусульмане не воспринимали.

В начале века в качестве общетатарского лидера позиционировал себя Габдрашит Гумерович Ибрагимов, обучавшийся в Медине (1879–1884). За период службы в ОМДС (1892–1895) в качестве старшего заседателя бывший ахун г.Тары глубоко осознал основные проблемы мусульманского сообщества региона. Путешествия в Европу и Азию (1895–1899) позволили ему наглядно сопоставить правовое положение и уровень развития культуры мусульман в России и в мире. Дальнейшие действия Г.-Р.Ибрагимова во многом повторяли шаги И.Гаспринского, который по возвращении на родину стал транслировать свои идеи среди российских мусульман.

Г.-Р.Ибрагимов оказался единственным татарским деятелем, обра-

тившимся (1901) к правительству с предложением (записка «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России») содействовать реформированию традиционных школ мусульман: установить для них программы изучаемых предметов; ввести преподавание общеобразовательных дисциплин; установить практику сдачи экзаменов; предоставить лицам, окончившим полный курс медресе, льготы по отбыванию воинской повинности, передать наблюдение за ними особым почетным лицам из мусульман, ответственным перед попечителем учебного округа [Саматова, 2010, с.188].

В 1900 г. Г.-Р.Ибрагимов начал издавать в Санкт-Петербурге альманах «Миръат яхуд көзге», получивший в народе название «Көзге» («Зеркало»). В 1902 г. он издал восемь, в 1903 г. – четыре номера альманаха.

Затем он отбыл в Османское государство, где его политическая деятельность привлекла внимание русской разведки. Членами организованного им кружка, состоявшего из российских мигрантов, была составлена программа требований с целью добиться расширения гражданских прав соотечественников-единоверцев в областях образования, управления духовными делами и вероисповедания, в которой впервые российские мусульмане рассматривались как единое культурно-социальное сообщество. Важно отметить, что документ был отправлен не только ряду соотечественников, в том числе оренбургскому 1-й гильдии купцу Махмуту Хусаинову, но и в посольства Англии и Германии, находившиеся в Стамбуле.

Суть основных требований программы заключалась в расширении религиозно-культурной автономии мусульман: предоставление им права самим избирать членов и председателя (муфтия) религиозных управлений (п.1), передача управления религиозным и национальным образованием муфтию и попечителям школ (п.3);

прекращение практики назначения на должности муфтия лиц, окончивших русские учебные заведения (читай: не имеющих религиозного образования) (п.2); разрешение бракоразводных дел и вопросов наследства исключительно по нормам шариата (п.7); «дарование» сельским общинам «полного самоуправления» и запрещение объединять их с русскими крестьянскими общинами (п.15); открытие лавок мусульман в дни христианских религиозных праздников (п.24), прекращение практики похорон умерших мусульман лишь после выдачи свидетельства о смерти (п.28).

В отдельную группу можно выделить требования, направленные на реализацию принципа добровольности изучения и распространения государственного языка: необязательность введения в школах светских наук, знания имамами русского языка и преподавания на нем (п.4, 6); освобождение от угрозы закрытия учебных заведений в случае отказа мусульман от светских предметов (п.5).

Ключевыми в понимании требований о свободе вероисповедания являлись положения о реализации в России принципа свободы совести: «никому не запрещать исполнять заповеди божественного закона» (п.11); «вернуть нам наши права и свободу совести» (п.23); даровать «полную свободу» в религиозных делах (п.25), прекратить христианское просвещение мусульман (п.17); разрешать желающим переходить в ислам (п.22); прекратить «записи священниками мусульман в приходские книги христианскими именами» (п.20) (видимо, имеются в виду возвратившиеся в ислам крещенные татары, которые российским законодательством не признавались мусульманами. – *И.З.*) и др.

Ряд положений был связан с необходимостью защиты религиозных прав и достоинства мусульман от посягательств светской власти, РПЦ и христиан: «не глумиться» над исламом (п.19); не вмешиваться земским на-

чальникам «в дела о разводах» (п.29). Защита религиозных прав военнослужащих-мусульман сводилась к назначению в каждой войсковой части, где проходили службу мусульмане, военного муллы, к запрету кормить их свининой (п.26); «непринуждению их воевать против единоверцев» (п.27). В плане предоставления равных прав с православными священниками представляет интерес предложение об освобождении мулл от воинской повинности (п.16). Имелись требования, посвященные защите религиозных прав казахов-кочевников: прекратить христианское просвещение среди казахов, позволять им свободно исповедовать ислам и поступать по мусульманскому закону (п.10), разрешать татарам и казахским улемам преподавать казахам основы ислама (п.8, п.9).

Экономические требования программы: прекратить «самовольства» местной администрации, препятствующей «особенно казахам» вести коммерческие операции, даже при наличии «промыслового свидетельства» (п.14); восстановить в собственности (не отбирать) земли мусульман, прибывших из Хивы и Бухары и поселившихся в Сибири (п.12); упразднить налог с земель мусульман, на которых построены их дома (п.13); освободить казахов и крымских татар, сданных в арестантские роты, или высланных в административном порядке, или приговоренных к каторжным работам за подписание ими документов, содержание которых они не читали (п.31, 32) [ГА РФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.166–169 об.].

Важно, что аналогичный текст в виде тайной прокламации распространялся среди татар, проживавших в различных регионах. Хотя на них расписывался некто «хаджи Ахмет из Казани», в действительности письма отправлялись почтой из Стамбула [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.210, 218].

Таким образом, стамбульские требования Г.-Р.Ибрагимова были направлены на достижение российскими му-

сульманами равных прав с титульным населением империи и расширение религиозной культурной автономии, они сыграли важную роль в трансформации приоритетов национального движения в начале XX в.

7 августа 1904 г. в Генеральном консульстве России в Стамбуле Г.-Р.Ибрагимов был задержан и переправлен в Россию. Однако из-за отсутствия веских улик 21 августа он был освобожден из тюрьмы Одессы [ГА РФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.163–163 об.].

В начале сентября Г.-Р.Ибрагимов был принят министром внутренних дел П.Д.Святополком-Мирским, они обсудили сложившуюся в стране политическую ситуацию. После встреч в Москве с лидерами земского либерального движения (конец сентября 1904 г.) Г.-Р.Ибрагимов посетил крупные образовательные центры и татарские общины (Оренбург, Уфа, Троицк, Петропавловск, д. Иж-Боби Вятской губ.), встречался с региональными лидерами, представителями молодежи, решал организационные и финансовые вопросы будущего политического объединения татар. Первоначально Г.-Р.Ибрагимов планировал провести общетатарский мусульманский съезд на Мензелинской ярмарке (конец декабря – начало января). Однако после встречи в Казани с Юсуфом Акчурой (январь 1905 г.), автором теоретического труда о политическом тюркизме («Три вида политики», Каир, 1903), было ими принято решение об организации всероссийской партии мусульман [Сенюткина, 2007, с.215–218]. Так постепенно формировалась идея политического объединения мусульман России.

Известия о поражениях российской армии в войне с Японией, обострение аграрного вопроса, ухудшение экономического положения народных масс и другие факторы усиливали недовольство и социальную активность населения. Как ответная мера на сложившуюся ситуацию в стране после-

довал именной «высочайший» указ Сенату от 12 декабря 1904 г. «О начертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Властным структурам было предписано «принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения» [Фархшатов, 2000, с.156]. Указ вызвал новые явления в общественном движении татар.

Одним из них стала петиционная кампания с требованиями неотлагательного решения насущных проблем мусульман. Первое прошение о даровании мусульманам политических и гражданских прав поступило на имя премьер-министра С.Ю.Витте от ахуна г.Петропавловска Яушева в декабре 1904 г.

23 января на собрании татарских общественных деятелей (Ю.Акчура, С.Алкин, Г.-Р.Ибрагимов, Г.Исхаки и др.) в Казани, в доме купца А.Хусаинова, было решено начать петиционную кампанию и послать депутацию в столицу. 29 января 1905 г. на втором собрании, в котором участвовало уже около 200 татар, был утвержден текст петиции. Под влиянием казанцев 9 марта прошли аналогичные собрания в Чистополе, затем в Буинске [Хасанов, 1985, с.57].

Многие положения казанской инициативы перекликаются со стамбульской программой требований Г.-Р.Ибрагимова (пп.1, 3, 4, 6, 7, 12, 16, 19, 22). Из него «выпали» главным образом специальные пункты о прекращении христианского просвещения и предоставлении свободы вероисповедания мусульманам. Более четко были сформулированы положения об упразднении ограничений прав татар в отношении жительства, свободной торговли и приобретения недвижимости в ряде регионов России.

Новыми являлись предложения о возможности предоставления духовенству звания почетного гражданина, легализации вакуфов и подчинении их

ОМДС, даровании свободы слова и печати, уравнивании прав татар с правами титульного населения: возможность занимать общественные и государственные должности, ликвидация ограничений в отдельных профессиях, право открывать общеобразовательные и частные школы с преподаванием в них на родном языке. Следует выделить предложение о приглашении «сведущих лиц» из мусульман, рекомендованных ОМДС, для составления совместно с представителями правительства проектов законов, касающихся религиозного и общественно быта татар и в целом гражданских прав [Тарджеман-Переводчик, 1905, №17, 4 марта].

Вслед за ходатайством казанцев в столицу поступили десятки ходатайств из сельских обществ губернии идентичного содержания. Всего в адрес правительства поступило около 500 прошений, главным образом из Поволжья и Приуралья, для которых было характерно много общего в вопросах, связанных с религиозными правами и вероисповеданием, в то же время отмечалась специфика по социальным (региональным) проблемам [Сенюткина, 2007, с. 220–243]. Как и в период предыдущих петиционных кампаний 1883 г., 1888–1890 гг., региональным лидерам удалось мобилизовать религиозные общины и от их имени довести до правительства наиболее актуальные проблемы.

Петиция оренбургского муфтия 1905 г. в Комитет министров выгодно отличается от большинства этих ходатайств. Лейтмотивом его обращения была идея о предоставлении мусульманам равных прав с титульным населением империи. В ней, по сути, зафиксированы ключевые аспекты неравноправного положения мусульман. В петиции председателя ОМДС речь шла об отмене следующих ограничений по конфессиональному признаку: 1) лишение мусульман, имеющих соответствующий документ об окончании русских учебных заведений, права преподавать учебные предметы хрис-

тианам в русских начальной и средней школах; 2) лишение мусульман, обучающихся в высших учебных заведениях, стипендий и пособий; 3) лишение ежегодно призывающихся на военную службу новобранцев-мусульман исполнения обрядов своей религии в воинских частях и даже напутствия при погребении, острый недостаток в военных муллах в армии, пересмотр действующего порядка в этой сфере; 4) открытие мечетей в поликонфессиональных поселениях лишь с разрешения местного руководства православной епархии; 5) практика удаления губернскими администрациями духовных лиц, избранных прихожанами, без суда и следствия [Тарджеман-Переводчик, 1905, №28, 12 апр.].

В марте 1905 г. казанская депутация (Ю.Акчурин, С.-Г.Алкин, Г.Апанаев, А.Сайдашев) в качестве представителей всех мусульман России встретилась с председателем Комитета Министров С.Ю.Витте [Тарджеман-Переводчик, 1905, №26, 5 апр.].

8 апреля 1905 г. прошло собрание группы татар в Казани, которое постановило созвать всеобщий мусульманский съезд во время Нижегородской ярмарки (август) с целью «объединения и учреждения Мусульманского союза» [Хабутдинов, 2010, с.121].

Вторым явлением, вызванным указом от 12 декабря 1904 г. и началом Первой российской революции, была разработка проекта новой модели управления духовными делами мусульман, призванной повысить статус исламских институтов и создать миллет по оттоманскому образцу в округе ОМДС [Хабутдинов, 2010, с.183–185]. Мусульмане хотели восстановить прежнюю автономию в решении религиозно-культурных вопросов и совершенствовать исламские институты, сделав их отвечающими требованиям времени. В 1905 г. во время встречи с председателем Комитета Министров С.Ю.Витте муфтий М.Султанов получил «добро» на проведение совещания. В г.Уфе в апреле прошло совеща-

ние с участием около 40 авторитетных духовных лиц из разных регионов. По рекомендации муфтия было решено распространить на ОМДС устав управления закавказским мусульманским духовенством суннитов – нормативный документ 1872 г., предоставивший мусульманам региона самые широкие права в России. Было вынесено постановление о выработке по имеющимся образцам нового, более адаптированного к нуждам мусульман положения по управлению духовными делами в округе ОМДС [Фахредин, 1905].

Однако инициатива М.Султанова не получила поддержки правительства.

Через несколько месяцев в Уфимской губ., население которой наполовину состояло из мусульман, обсуждение вопроса об устройстве религиозных институтов и о нуждах мусульман было продолжено на качественно новом уровне – на созванном с разрешения властей губернском совещании с приглашением доверенных (Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.). На совещании был разработан новый пакет рекомендаций [Протокол]. Таким образом, если в Казанской губ. решение принимала элита, а остальное население следовало ее указаниям, то в Приуралье лидером выступило ОМДС, которое, используя сложившуюся в стране революционную обстановку, добились публичного коллегиального обсуждения религиозных проблем с участием доверенных мусульман из уездов. В результате на этом совещании был утвержден рекомендованный апрельским съездом духовенства новый проект управления исламскими институтами в округе ОМДС.

Таким образом, на рубеже веков под воздействием происходящих в стране общественных процессов предпринимательская элита осознала неактуальность для мусульманского сообщества противодействия христианизации и нововведениям власти, стремилась использовать русское образование и имеющиеся в действующем законодательстве возможности для развития культуры, делая упор на расширении

сети новометодных школ, издании идеологических работ, пропагандирующих обновление социокультурной жизни мусульманского сообщества. Вектор направления общественного движения в данный период определялся главным образом не взаимоотношением мусульман и власти, а попытками осмысления путей решения назревших проблем мусульман, вывода единоверцев из кризисной ситуации и превращения татар в конкурентоспособную нацию.

Набиравшие силу общественно-политические процессы позитивно

отражались на активности элиты. Организовав в первой половине 1905 г. массовую петиционную кампанию, она создала перед властью видимость массовой озабоченности мусульман своим незавидным правовым и социальным положением в России, тогда как основную массу сельского населения эти проблемы не волновали.

Логическим продолжением развития татарского национального движения в 1905 г. стало учреждение в августе Всероссийской партии мусульман «Иттифак эль муслимин».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. НА РТ, ф.1, оп.6, д.99.
2. ГА РФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3.
3. РГИА, ф.821, оп.8, д.791.
4. Тарджеман–Переводчик. – 1905. – №17. – 4 марта; №26. – 5 апр.; №28. – 12 апр.
5. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С.Червонная. – М., 1996.
6. *Мифтахетдин С.* Наугы бәшәр. – Казан, 1899.
7. Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. Министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения 22,23 и 25 июня 1905 г. Уфа, б.г.
8. *Саматова Ч.Х.* Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010.
9. *Сеноткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): Монография. – Н. Новгород, 2007.
10. *Фархшатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 г.). – Уфа, 2000.
11. *Фахреддинов Р.* По поводу уфимского совещания // Тарджеман-Переводчик. – 1905. – № 68. – 30 августа.
12. *Хабутдинов А.Ю.* От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань, 2008.
13. *Хабутдинов А.Ю.* История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): Институты, идеи, люди. – М.; Н. Новгород, 2010.
14. *Хасанов Х.Х.* Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985.

Список сокращений

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. М.
 НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан. Казань.
 РГИА – Российский государственный исторический архив. СПб.

Аннотация

В статье освещается трансформация национального движения татар накануне Первой российской революции; определяются основные темы полемики и дискуссий между джадидистами и кадимистами на рубеже столетий, дается оценка деятельности новых лидеров общественно-политического движения татар конца XIX века, среди которых выделяется колоритная фигура видного татарского общественного лидера Г.-Р.Ибрагимова; определяются основные факторы, оказавшие влияние на трансформацию приоритетов национального движения татар и формирование единого политического движения мусульманских народов, населявших Российскую империю в начале XX века; отслеживается появление новых идей и лозунгов в татарском общественном движении.

Ключевые слова: национально-освободительное движение татар, джадидизм, кадимисты, прошения, Г.-Р.Ибрагимов.

Summary

The article deals with the transformation of the Tatar national movement before the First Russian revolution and the main topics of discussions between jadids and kadimists at the turn of the century. The author of the article also considers the activity of the new leaders of the Tatar social political movement at the end of the XIX century among whom the outstanding figure of the Tatar community leader G.R. Ibragimov stands out, moreover he points out the main factors that influenced the transformation of priorities of the national Tatar movement and the formation of the united political movement of the Muslim peoples inhabiting the Russian Empire and finally at the beginning of the XX century the analysis of petitions addressed to government bodies allows tracing the appearance of new ideas and slogans in the Tatar national movement.

Key words: national liberation movement of the Tatars, jadidizm, kadimists, petitions, G.R. Ibragimov.